

И. П. Глушкова
**«ПУТЕШЕСТВИЕ» НА «МАРШЕ» (1809 г.):
 ПРАГМАТИКА ИНДИЙСКОГО ЛАНДШАФТА
 В ПОСЛАНИЯХ БРИТАНСКОГО ОФИЦЕРА**

УДК 94(540)''18''

ББК 63.3(5Инд)5

Британское доминирование в Южной Азии возрастало за счет практического использования разноплановых сведений (в том числе о ландшафте), добываемых высокой мобильностью колонизаторов, носителей «магистральной культуры» извне. Их сфокусированное внимание было обращено на основного соперника — Маратхскую конфедерацию и ее военачальников, которые, будучи внутренней «магистральной культурой», со второй половины XVIII в. фактически определяли политическую судьбу всего Индостана. Положение Томаса Дуера Броутона как «военного резидента» при дворе Даулат-рава Синдрии подразумевало его участие с целью контроля и надзора над противником и информирования Ост-Индской компании во всех «маршах» маратхской армии. Одновременно не лишенный литературной тяги Броутон находил время на описание своего «путешествия» в «письмах к брату», отвечая таким образом на запросы царящей в начале XIX в. в метрополии индиомании.

Послания, в первую очередь нацеленные на создание этнографического «портрета» экзотического этноса, рутинно отмеряют пройденные мили и описывают окружающие резидента равнину, дороги, горы, реки, растительность и т. д. Тем самым Броутон создает прагматичный «портрет» ландшафта, а в «проговорах» дает утилитарную оценку возможностям его использования под нужды колониальной власти и ее армии, что иллюстрирует соучастие травелогов в процессе колонизации.

Ключевые слова: *«путешествующий взгляд», «политизация путешествия», путешественник-разведчик, травелог, ландшафт, колонизация, колониализм, «магистральная культура», Маратхская конфедерация, Ост-Индская компания, Раджпутана*

Дэвид Арнолд, автор книги «Тропики и путешествующий взгляд. Индия, ландшафт и наука, 1800–1856», отмечает, что на протяжении своей долгой истории Индия «в немалой степени определялась через путешествия», к каковым можно отнести «неустанное передвижение ее царей, их дворов и армий; странствования воинов, купцов и писарей; скитания паломников, аскетов и святых старцев или сезонные перемещения скотоводов, наемных рабочих, а также миграции религиозных беженцев и голодающих».¹ Хотя путешествие как феномен, помимо передвижения по территории, подразумевает возвращение или намерение вернуться к исходной точке, не все толкуют его столь широко, как Д. Арнолд. Ульрике Бриксон подчеркивает в путешествии компонент добровольности, тем самым исключая из концепции

«миграции, ссылки, переселение, военную дислокацию, деловые поездки и путешествия в неволе».² Она отмечает «политичность» любого окидывающего чужую местность «путешествующего взгляда»,³ поскольку «пространства путешествия суть пространства политического представительства». Эта связанность «политики, путешествия и описания путешествия» придает травелогу «коварно политический посыл» и «оказывает прямое воздействие на принятие политических решений».⁴

Однако обращение именно к Арнолду вызвано не только тем, что регион моих исследований — Индия — является объектом его скрупулезного анализа, но и тем, что в экзотично-этнографических нарративах, сконструированных «путешествующим взглядом», в качестве сущностного компонента он выделяет описанный путешественниками ландшафт,

¹ Arnold D. *The Tropics and the Travelling Gaze. India, Landscape, and Science, 1800–1856.* Seattle; Washington, 2006. P. 11.

² Brikson U. Introduction. "Naked" Politics in Travel Writing // *Not So Innocent Abroad: The Politics of Travel and Travel Writing.* Newcastle upon Tyne, 2009. P. 7.

³ Выражение *travelling gaze* предложено М. Фуко и использовано — с дальнейшим развитием концепции — Д. Арнолдом в его книге (см. примеч. 1).

⁴ Brikson U. Op. cit. P. 1.

обнаружив как раз его политизацию, на которой заострила внимание и Бриксон: «Природа в разных своих манифестациях, особенно в виде ландшафта, представляла собой элемент ощутимо, если не преднамеренно, манипулируемый при попытках легитимировать колониальное правление и сделать зависимым через природу подвластное население».⁵ Работа же Арнолда как раз нацелена на реконструкцию того, как «этот огромный и разнообразный регион обрел известность и очертания благодаря британским и другим европейским путешественникам первой половины XIX в.» и как его материальная среда «во всё большей степени становилась объектом колониального восприятия ландшафта и природы».⁶ В фокусе же моих интересов лежит иная сторона вопроса — как «магистральная культура»⁷ маратхов, чья экспансионистская политика в XVIII в. подчинила себе практически весь Индостан, в считанные годы была задавлена «магистральной культурой» пришельцев: Маратхская конфедерация утратила все свои приобретения, а ее ведущие полководцы смирились, получив взамен княжеские титулы и отмеренные колониальной властью территории. Стык этих двух тем в «ландшафтном» аспекте ярко воплощен в «Письмах из махратского лагеря на протяжении 1809 г. с описанием манер, бытовых привычек и религиозных церемоний махраттов»⁸ Томаса Дуера Броутона (1778–1835). Несмотря на впечатляющий корпус разножанровых текстов, исследованных Арнолдом, он не упоминает писем Броутона, запечатлевших путешествие по одной из сторон (Агра–Аджмер) знаменитого и обязательного для образцового туриста «золотого треугольника» современной Индии — маршрута Дели–Агра–Джайпур–Дели. Возможно, причиной стало то, что Арнолд не обнаружил у Броутона развернутых ландшафтных зарисовок как самодостаточных фрагментов повествования или не счел их отвечающими романтическому настрою эпохи

и ее эстетическим критериям. Броутон действительно не говорит о природе, но лапидарно и утилитарно, в основном под углом своей профессии военного, «проговаривается», что сообщает этим «проговоркам» неожиданную искренность. Природа (реки, горы, леса, поля и т. д.) не является у него самостоятельным компонентом описания, не передает мысли и настроения, не настраивает на романтический лад, как те образцы, на которых строил свою концепцию Арнолд, но своей скупой прагматикой командир эскорта Броутон фактически подтверждает эту концепцию.

«Письма»: персонажи, время и место действия, объект и цель описания

Автор «Писем», уроженец Бристоля и воспитанник Итона, примерный службист и знаток языка хиндустани, был назначен «командиром (п)резидентского эскорта при дворе Синдии», т. е. приставлен в качестве военного резидента (1803–1811) к махарадже Даулат-раву (1779–1827) — «рулевому» уникального могольско-маратхского государства при шахе Аламе II.⁹ Это назначение подразумевало полную осведомленность и отчетность обо всем — явном или скрытом, что происходило в стане самого мощного британского противника, побежденного в результате Второй англо-маратхской войны (1803–1805). «Маратхам была объявлена война, поскольку они оставались единственной силой в Индии»,¹⁰ что вынудило Даулат-рава подписать 30 декабря 1804 г. Сурджи–Анджангаонский договор. По нему к Ост-Индской компании отошли огромные и, возможно, самые «лакомые» сегменты владений Синдии в Северной и Западной Индии, в том числе «колыбель» классической Индии — междуречье Ганги и Ямуны и район Дели–Агра.¹¹ Несмотря на то что впереди еще была Третья англо-маратхская война (1817–1818), маратхи, фактически правившие Индией от имени могольского императора и бывшие последней серьезной преградой для формирования Британского Раджа, оказались в значительной степени «обузданы».

В 1803 г. Броутон сменил на посту при дворе Синдии опытного британского разведчика полковника Дж. Коллинза.¹² С декабря 1808 по

⁵ Arnold D. Op. cit. P. 6.

⁶ Ibid. P. 3.

⁷ См.: Головинёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

⁸ Broughton Th. D. Letters from a Mahratta Camp during the Year 1809 Descriptive of the Character, Manners, Domestic Habits and Religious Ceremonies of the Mahrattas. Calcutta, 1977. «Махратта» — искаженное маратха (Maratha), как называли в XVI–XVIII вв. всех без исключения маратхов — представителей маратхиязычного этноса, сосредоточенного в штате Махараштра. В наши дни лексема «маратха» закреплена за представителями воинской касты.

⁹ См.: Cooper R. G. S. The Anglo-Maratha Campaign and the Contest for India: The Struggle for Control of the South Asian Military Economy. Cambridge, 2003. P. 159.

¹⁰ Hansard's Parliamentary Debates. Ser. I. April 5, 1805. Vol. 4. P. 251.

¹¹ См.: Cooper R. G. S. Op. cit. P. 80.

¹² Ibid. P. 215.

февраль 1810 г. он неотрывно находился при действующей армии махараджи, перемещавшейся в основном по территории Раджпутаны (современного Раджастхана) для сбора, вернее выбивания, налогов с местных князей и феодалов.¹³ К этому периоду и относятся 32 письма, исполненных (в терминах Б. Кона) в модальности «наблюдение и путешествие».¹⁴ Эти многостраничные послания подробно описывают уклад жизни, ритуалы, характеры, бытовое и военное поведение маратхов, а также распри и союзничество между группировками внутри окружения Даулат-рава и за его пределами — среди ведущих военачальников Маратхской конфедерации. «Ландшафтный» аспект избран мною еще и потому, что позволяет разгрузить статью, освободив ее от избыточной этнографической и исторической информации, интересной лишь узкому кругу индологов.

Княжеская династия Синдия, по-прежнему активная на политической арене современной Индии, в том числе в Раджастхане, связана с Гвалиором (ныне город в штате Мадхья-Прадеш), но в 1809 г. столицей клана был Удджайн, а штаб-квартирой Маратхской конфедерации — Пуна в нынешней Махараштре, где находился ее глава — пешва. Даулат-рав Синдия сел на трон в 1794 г., после смерти своего предшественника Махаджи Синдии, вершителя судеб Индостана последней трети XVIII в.¹⁵ Благодаря редким стратегическим талантам и удачному стечению обстоятельств Махаджи, «обогнав» пешву, получил титулы имперского регента и верховного главнокомандующего, которые и перешли к «вероломному, жестокому, распутствующему и влиятельному» (по версии британских наблюдателей) Даулат-раву.

С укреплением британского господства в Индии для путешественников-писателей стало обычным строить свои сюжеты исходя из «запросов» британской публики, желавшей знать больше о «нашей Восточной империи» или подчеркивать ценность «опыта из первых рук».¹⁶ Поэтому Броутон прибег к уже известной уловке, адресуя брату в Англию письма, явно нацеленные на публикацию. Он писал:

«Мой дорогой брат, ты неоднократно требовал от меня описания людей, среди которых

я живу... и когда я отказывался по причине скучной и неинтересной природы объекта, ты отвечал, что все те ситуации, манеры, обычаи, которые, возможно в силу привычки, полностью утратили какое бы то ни было любопытство с моей стороны, для тебя будут содержать шарм новизны: особенно после последней войны в Индии, когда имя “махратта” стало обычным и в Англии, а следовательно, всё, что имеет к нему отношение, объектом общего любопытства и внимания».¹⁷

Письма действительно феноменально насыщены ценнейшей информацией, но мало использовались британской и индийской историографией: для первой они оказались чересчур «фокусны», возможно, чрезмерно детализированы; для второй они звучат откровенно нелицеприятно, заставляя подозревать намеренное конструирование образов «низости, испорченности и тупости для оправдания британской власти в Индии».¹⁸ Отношение самого Броутона к маратхам еще в большей степени подчеркивалось посвящением «Писем» в издании 1813 г. маркизу А. Уэлсли — герою Второй англо-маратхской войны (позднее премьер-министру Великобритании), «проницательно уловившему пороки маратхов, твердо отвергнувшему их наглые притязания, их мощному противнику и общему миротворцу».¹⁹

Местом действия, где Броутон безвылазно провел 14 месяцев, является нынешний Раджастхан, в основном бассейны реки Чамбал (притока Ямуны) и ее притока — реки Банас, за пределами которых колониальная администрация жестко ограничила деятельность Синдии. Этот отрезок Банаса начинается в отрогах Аравали — горного хребта на северо-западе полуострова Индостан, протянувшегося через весь Раджастхан. На северо-западе этот хребет прорезает Тхар — «великую индийскую пустыню», а на юго-востоке — Малву, плато и исторический регион, где располагалась столица Синдии — Удджайн. Вершины Аравали, разнообразящие в целом полупустынный и пустынный ландшафт, достигают высоты 1 722 м. Колониальный чиновник, предваривший предисловием английское переиздание «Писем» в 1892 г., сравнил — скорее в морально-типологическом, нежели ландшафтном, плане — эти края с областью Морей на северо-востоке Шотландии, где в середине XVII в. царили грабеж и насилие

¹³ Этот налог — чаутх (1/4), — как общепризнано, составлял «ось маратхской экспансии на Север».

¹⁴ Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton, 1996.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Глушкова И. П. Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиргха-ятры. М., 2008.

¹⁶ Arnold D. Op. cit. P. 12.

¹⁷ Broughton Th. D. Op. cit. P. 1.

¹⁸ Ibid. P. vi–vii.

¹⁹ Цит. по: Athavale Sadashiv. Introduction // Ibid. P. xx.

и «все мужчины хватали свою добычу».²⁰ Под вершителями этого разбоя подразумевались, конечно же, маратхи, а объектами их агрессии были раджпутские княжества, расположенные по пути следования махараджи и его армии.

Упомянутый в названии изданной в 1813 г. книги «лагерь» вовсе не был статичным бивуаком за пределами регулярного жилья, он постоянно перемещался (то, что Броутон называл «маршами»). Свое же неотрывное следование за «лагерем», по крайней мере в плане создания своего эпистолярного травелога, британец воспринимал как «путешествие». В его письмах читаем: «Я возвращаюсь на свою позицию при лагере Синдии, и поскольку нахожусь в сопровождении целого каравана слуг и огромного количества поставок для нужд Резиденции, то собираюсь путешествовать вполне не спеша, чтобы уловить все детали марша. После же моего прибытия в лагерь я предполагаю записать все события в последовательности их возникновения вместе с наблюдениями, пришедшими мне в голову, для твоего развлечения».²¹

*Даты, пункты, мили — без восторга
и экзальтации*

Послания Броутона разделяют приблизительно равные интервалы времени: в среднем он писал по два–три письма в месяц. Исключения составляют октябрь 1809 г., которым датируется только одно письмо, и январь 1810 г., когда не было отправлено ни одного. Каждое письмо образует главу, содержание которой предваряется выделением основных тем с непременно повтором лексемы «марш» и перечислением топонимов вперемешку с историческими, архитектурными и прочими ориентирами. За тематическим перечнем следует локализация послания в пространстве (населенный пункт) и во времени (дата), хотя «марши» придают динамику всему повествованию, а движение (иногда кружение в пределах определенной территории) обеспечивает новые впечатления и сведения. Письма писались не на ходу, а на стоянках, порой весьма длительных, как, например, в Рупахели — с августа по декабрь 1809 г. Броутон и его многочисленная обслуга обычно располагались на расстоянии нескольких километров от лагеря маратхов, чтобы избежать скученности, раздражающих запахов, перманентного подглядывания и прочих неудобств,

но поскольку маратхи все-таки оставались ведущей темой писем, публикация и получила название «Письма из махраттского лагеря...».

Практически каждое письмо Броутона содержит точную информацию о пройденных дистанциях в милях («20-го я преодолел на марше из Агры в деревушку Кагарол около 14 миль... 21-го я прошел маршем около 15 миль к Сепу, деревне во владениях раджи Дхолпура, расположенной на берегу реки Парвати... 23-го в результате весьма утомительного и неприятного марша в 18 миль мы оказались в Сири-Маттра...»). Помимо этого, автор, как правило, сообщает о расстоянии от той или иной стоянки до столицы того или иного раджпутского княжества или принадлежащей ему крепости. «Проговорка» об измерительном механизме подтверждает, что определение пройденных расстояний было одной из первостепенных задач, которые Броутон выполнял в рамках своей миссии: «На марше шагомер (*perambulator*) все еще вызывает удивление маратхов, которые не понимают, как он показывает пройденное расстояние. Они его называют *jadoo-ka-chukkur*, волшебное колесо; поголовно верующие, хотя и не открыто, в колдовство, они находят удовлетворение в том, чтобы приписывать его влиянию всё, где они чувствуют наше превосходство».²²

Впрочем, маршрут, определяемый Синдией и его приближенными, часто опирался далеко не на логистику. Описывая самый длинный за 14 месяцев путь, Броутон поясняет: «Мы покинули Бабью 13-го и в высшей степени пренеприятным маршем покрыли 22 мили к деревьям Чору и Пучала, хотя собственно расстояние — по прямой — составляло не более 10 миль. Сначала линия шла по направлению к Униаре, резиденции раджи, принадлежащего к джайпурской семье. Но, не доходя 3 миль, мы повернули вправо, почти что вернувшись к уже пройденному... Было бы невозможно с любой другой армией, кроме маратхской, обнаружить причину такого круглого маршрута: местность представляла собой протяженную равнину без каких бы то ни было оврагов, каналов или других препятствий для продвижения армии в любом нужном направлении».²³ И тут Броутон поясняет, что жители поселений, спасая свои дома и поля от разграбления, подкупали министров Синдии,

²⁰ Grant Duff M. E. Introduction // Ibid. P. xxv.

²¹ Broughton Th. D. Op. cit. P. 2.

²² Ibid. P. 132.

²³ Ibid. P. 43.

чтобы те изменяли маршрут войска, традиционно практиковавшего грабеж.

1. Равнина

Район передвижения армии Синдии представлял собой в основном равнину, переходившую в «бесконечную пустыню». Для Броутона и его соотечественников, чутких, в соответствии с эстетическим кодом своего времени, ко всему «живописному» (*picturesque*),²⁴ такой ландшафт представлялся «скучным», «унылым», «безграничным», «неинтересным», «плоским»; а «непрерывную равнину с полями с молодой кукурузой, отличным прокормом для маратхов», Броутон рассматривал как очередной объект, обреченный на разграбление. Он мысленно даже предвосхищает более чем вероятную последовательность событий: «Этим утром мы проследовали около 10 миль по той же неинтересной равнине, но обнаружили, что деревни к западу от Шахпуры являют собой менее заброшенное зрелище, чем те, мимо которых мы прошли за день до того. Некоторым из них еще только предстоит быть ограбленными — многие окружены группками деревьев, которые еще могут предложить корм слонам и верблюдам маратхов».²⁵

Периодически Броутон «воображает», сколь «прекрасны и многолюдны» могли бы быть эти края, если бы не поправки к договору 1805–1806 гг., ранее запрещавшие, а теперь разрешившие Синдии пересекать Чамбал, «и Британское правительство оваяло бы себя славой спасения их от уничтожения, которое я сейчас описываю...» Впрочем «военная косточка» дает себя знать, и Броутон оживает при виде «широкого равнинного размаха, весьма благоприятного для кавалерийских демонстраций», описывая далее военный потенциал армии Синдии, выставленный напоказ.

2. Дороги

На протяжении всех переходов Броутон неизменно фиксирует качество дорог, общая оценка которых в целом отвечала характеру местности. Так, в одном из посланий он пишет: «Дорога пролегла поверх валунов красной породы, вполне обычной для этой части страны, только в нескольких местах слегка прикрытых поверхностным перегноем».²⁶ В его описаниях присутствуют в основном две характеристи-

ки — «хорошая» и «плохая», что, как правило, увязывалось с меняющимся рельефом и сезонами года («24-го дорога была такая плохая, что я с трудом достиг небольшой деревушки»; «дорога из Кирули хороша, пока до [реки] Банас не остается около 4 миль — тут уже начинается такое количество теснин, что путь удваивается за счет необходимости их огибать»; «после того как мы утром тронулись в путь, пошел дождь и продолжался до конца дня, в результате чего вкупе с плохой дорогой я добрался до места только после часа, к тому же промокший до нитки, замерзший и усталый»)²⁷. И хотя Броутон передвигался налегке, на его долю выпали все тяготы путешествия по Индии, которые он выразил в лишь скупой фразе: «Погода была очень горячей, и тучи пыли, поднимаемые нашим багажом, превращали марш в самый что ни на есть пренеприятнейший, который я переживал за последнее время».²⁸

Трудности и неожиданные обстоятельства нередко подстерегали путешественников на дорогах по берегам рек, на чем Броутон заостряет внимание, учитывая преимущественную привязку в жарком климате Индостана любого передвижения — будь то путешествие или «марш» — к воде: «Утром 29-го я направился в сторону Кандхара: первая часть пути шла вдоль правого берега реки и затем сворачивала к руслу из прекрасного песка, что превратило эту часть нашего путешествия в чрезвычайно скучную и утомительную для нашей животины».²⁹ Часто само высохшее русло реки как раз и становилось дорогой: «Русло Банаса по соседству с нашим лагерем заполнено сыпучими песками. Вчера вечером я перебрался через него на слоне, и животное с огромными усилиями вытягивало себя из них, в одном месте провалившись чуть ли не по самый живот».³⁰

С дорогами связаны и замечания Броутона относительно письмоносцев (*харкара*),³¹ которые, помимо курьерских обязанностей, выполняли функции соглядатаев и осведомителей и были кладезем информации обо всем, в том числе о малоизвестных тропах, скрытых горных лазах и незаметных речных бродах.

²⁷ Ibid. P. 6, 7, 10.

²⁸ Ibid. P. 54.

²⁹ Ibid. P. 11.

³⁰ Ibid. P. 57.

³¹ Подробнее об этом см.: Глушкова И. Кругооборот новостей и отложенное управление. Почтовая политика при дворе Ахилья-баи Холкар (прав. 1767–1795) в Махешваре // Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности. М., 2015.

²⁴ См.: Arnold D. Op. cit. P. 25.

²⁵ Broughton Th. D. Op. cit. P. 120.

²⁶ Ibid. P. 5.

3. Горы

«Унылость» равнинного ландшафта, когда «взор ограничивается только горизонтом», перемежалась поднятием рельефа, что Броутон отмечал в посланиях: «Местность, по которой мы шли, представляла собой многоуровневую равнину со скалистыми грядами длиной от одной до 6 миль и более. Скалы постепенно вытягивались заостренными краями к вершине, вообще они совершенно непредсказуемо вздымались из поверхности и в таком порядке располагались, словно намекали, что оказались там по предварительному плану».³² Собственно сами горы не вызывают у Броутона каких-либо эмоций: он окидывает их практичным взглядом, оценивая как возможные помехи на пути следования. В его послании читаем: «Слева гряда тянется до горного форта Бариур... справа поворачивает на юго-восток и формирует часть еще более широкой гряды, называемой Арравари... После прохода около 4 миль по руслу реки мы повернули направо и вошли в узкое ущелье между двумя рядами холмов, которые с каждой стороны поднимались почти вертикально: промежуток между ними — не более полумили в ширину — был покрыт непроходимыми зарослями из деревьев и подлеска, через которые шла узкая песчаная дорога, скорее тропа, вероятно образованная потоками, сбегаящими в сезон дождей с холмов».³³

Еще более важной видится прагматическая оценка такого визуально значимого маркера местности, как горы, в связи с начатыми Ост-Индской компанией работами по картографированию и геодезическому описанию субконтинента, а также по его политическому обустройству, т. е. закреплению внутренних границ. Броутон фиксирует, например, «гряду высоких холмов, тянущуюся на запад и на восток, которая формирует северную границу [княжества] Бунди и округ Раджгарх», горные твердыни и непроходимые джунгли возле округа Муруоли, по которым проходит граница между княжествами Марвар (иначе Джодхпур) и Мевар (иначе Удайпур) и т. д.

4. Реки

Направление «маршей», помимо фискальных намерений Синдии (взимания налогов с подвластных ему раджпутских князей и фео-

далов разного уровня), диктовалось необходимостью быть рядом с водой, что было условием выживания в Раджпутане. Поэтому состоянию рек, пересыхающих в жару и бурлящих в период муссонов, а также характеристике берегов и подходов к ним Броутон уделяет первостепенное внимание. Например, он отмечает: «Речушка, у которой мы встали лагерем, должно быть, оказывает посильную помощь в обработке полей вокруг Рупахели. Впрочем, как и остальные водные потоки в этой части страны, она редко бывает наполненной, если только не после ливня, когда вода на несколько часов поднимается до верхнего края береговой линии и также неожиданно спадает. За время нашей стоянки такое случилось дважды».³⁴ Поскольку каждое письмо датировано, то автор создает своего рода гидрокалендарь, предупреждающий о водном балансе той или иной реки и даже о характере почвы («сильная заболоченность») в то или иное время года: «Пушпри, с высокими отвесными берегами, в сезон дождей разбухает до ужасающего потока, несущегося под [самой крепостной] стеной на южной стороне»; «на второй день разбили лагерь на острове в русле реки Банас — здесь от берега до берега около 2 миль; хотя поток в ней в это время слабый, но журчащая сквозь песок вода прекрасная и чистая».³⁵

Ситуация с водой или рельефом берега иногда оказывается столь тяжелой, что Броутон вынужден пренебрегать удалением своей стоянки от маратхского лагеря: «Большая часть армии разместилась по берегу вдоль реки, а остальные — в ее русле; среди многочисленных и глубоких рвов и ям, избороздивших берег, для всех места не хватило. Мы сами оказались в таком же затруднительном положении: встали бивуаком в песочном русле, в неудобном месте — между арьергардом основной армии и одним из отрядов пехотинцев. Тот небольшой ручеек, что остался от реки, бежит под противоположным берегом, на расстоянии трех четвертей мили от нас, и мы снабжаемся водой только из маленьких колодцев, вырытых прямо в песке возле наших палаток».³⁶

Наконец, Броутон допускает еще одну «проговорку», обнаруживающую его прицельный интерес: «С последнего письма у нас было три марша. Первый из них — к месту в 7 милях от прежнего, расположенного выше по реке, русло

³² Broughton Th. D. Op. cit. P. 56.

³³ Ibid. P. 11, 12.

³⁴ Ibid. P. 173.

³⁵ Ibid. P. 9, 10.

³⁶ Ibid. P. 44, 45.

которой здесь великолепным образом приспособлено для нужд армии: пространство по обоим берегам ровное, не разрезанное оврагами, а водный поток, даже в самое сухое время года, сохраняет достаточно воды превосходного качества».³⁷

Поскольку мостов практически не существовало, а переправа создавалась на временной основе с помощью вереницы лодок, удерживаемых на месте грузом — мешками с песком, Броутон упоминает в письмах все ставшие ему известными переправы, не требующие дополнительных усилий. Он указал броды на реке Парбати, хотя отметил скопление в русле крупных валунов и чрезмерную крутизну берегов, что осложняло спуск к реке и подъем. Описывая переход через реку Чамбал, он уточнил: «Брод через реку хороший, и глубина воды не более чем три с половиной фута, но поверхность [берега] с этой стороны, как и почти на всем протяжении реки, изъедена оврагами».³⁸

Реки, как и горы, служили естественными границами между доменами правителей разного толка: «Парбати здесь определяет границу владений [княжества] Коты», а на другом берегу «Манси, полноводной реки с немного солоноватой водой, начинается [уже отошедшая к Ост-Индской компании] провинция Аджмер».³⁹

Даже небольшое удаление от рек приносило дополнительные сложности. Броутон так описывает их: «Вода, и то очень плохая, была доступна только в двух-трех небольших колодцах, на которые мы натолкнулись, отойдя от [реки] Банас. Уже после того как мы укрепили палатки, маратхи, вследствие жесточайшей нехватки такого необходимого продукта, из-за того, что большое озеро в Какорхе пересохло, были вынуждены прийти за водой в наш лагерь, на берегу маленького водоема на расстоянии почти в три мили от основной армии. Мы сами обнаружили эту драгоценность только после долгих часов блужданий в абсолютном отчаянии от того, что не можем найти воду, возле которой мы могли бы разбить лагерь. И сначала она была совершенно чистая и сладкая, и в водоеме было огромное количество водоплавающей птицы, какого я прежде не видел. Но ближе к вечеру все это превратилось в грязное месиво из-за числа людей и

гуртов животных, которые протоптали дорогу от основного лагеря».⁴⁰

5. Растительность

«Путешествующий взгляд» Броутона выхватывает из окружающей флоры самое практичное, возможно не только из-за отсутствия у него романтического настроения, но и по причине насущных забот о пропитании в пустынном и потому скудном регионе. Возделанной земли было мало; небольшие посадки деревьев встречались в основном возле деревень. Броутон обращает внимание на «зерновые низких сортов» (баджру и джовар из семейства просяных), «небольшое количество сахарного тростника, клещевину и хлопок», на высаженные «в сухом речном русле дынные плантации», которые убирают до наступления сезона дождей.

Поскольку в Индии наиболее ценится тень, Броутон замечает даже «небольшую акацию с такой тонкой листвой, которая едва ли спасала от жара солнечных лучей, но всё же была самой большой из того, что открывалось взору на равнине вокруг».⁴¹ В случае удачи — встречи оазиса — палатку Броутона разбивали в саду среди апельсинов, лимонов, тамариндовых и манговых деревьев или под кронами финиковой рощи. По поводу последней он добавляет: «С этого момента финиковые пальмы обеспечили постоянный праздник всему населению лагеря, которое срубало их, чтобы добраться до мягкой сердцевины ствола: в сыром ли, вареном ли виде это расценивалось как настоящий деликатес».⁴²

Если дожди оживляли землю, то пейзаж преображался, но Броутон и в этом случае оставался прагматиком: «Мокрый сезон уже вполне устоялся, и равнина вокруг покрылась роскошной растительностью. Среди главных генералов здесь существует любопытный обычай: когда травы много, они присваивают себе большие участки зелени, наказывая своим слугам следить за тем, чтобы никто ее не срезал. В результате мы оказываемся в положении, когда добыть нужный нам продукт, в изобилии произрастающий вокруг, оказывается намного труднее, чем когда его не просто найти».⁴³

Лейтмотив, пронизывающий почти все послания, звучит однообразно: «всё уже разграблено маратхами» или «деревеньки сохраняют

³⁷ Ibid. P. 53, 54.

³⁸ Ibid. P. 39.

³⁹ Ibid. P. 26, 131, 132.

⁴⁰ Ibid. P. 54, 55.

⁴¹ Ibid. P. 234.

⁴² Ibid. P. 111.

⁴³ Ibid. P. 143.

опрятный вид, поскольку здесь маратхи еще не побывали». Войско Синдии запасается кормом в кукурузных полях, «которые весьма обильны и хорошо плодоносят. Ими покрыта вся равнина, кормящая [маратхский] скот, которому позволено пастись в свое удовольствие, в то время как их хозяева рвут и разрушают все подряд, а что не нужно им самим, идет на продажу, и поэтому у нас не остается другого выхода, кроме как брать необходимое силой». ⁴⁴ То есть Броутон, достаточно въедливо описывая грабительские повадки маратхов, многократно «проговаривается»: «Мы тоже затоварились копнами высушенных стеблей баджры и джовара — это прекрасный корм для верблюдов... Неподалеку от нашей новой площадки было поле с горохом — мы тоже отхватили там свою долю, утешая себя сознанием, что если бы мы оставили горох, те, кто пришел бы потом, точно не были бы столь воздержанны». ⁴⁵

6. Климат

Ландшафт и его восприятие существенно меняются в зависимости от сезона и погоды. Поскольку временной диапазон писем охватывал 14 месяцев, Броутон сумел зафиксировать все времена года и соответствующие им температурные перепады, т. е., по сути, составил климатический календарь региона. В январе 1809 г. он пишет: «Погода становится очень холодной; несколько дней подряд на рассвете термометр показывал 31°F [-0,5°C]. Мы не можем, как ты, устремиться в поисках тепла к радостно полыхающему очагу. Но по вечерам мы заменяем его огромной жаровней с горящими углями, возле которой испытываем такое же острое удовольствие, что и ты в более северном климате». ⁴⁶ Мотив «холода» предвосхищает изумление современных туристов, посещающих Индию, прежде всего Раджастхан, в зимние месяцы и не ожидающих от «тропического» субконтинента резко континентальных перепадов дневной и ночной температурой (до 20–30°F). В конце сентября Броутон пишет: «Погода, которая до настоящего момента была приятнее, чем мне довелось испытать в это время года в других частях Индии, стала весьма жаркой днем и невероятно холодной ночью — именно этому перепаду в температуре мы и приписываем те простуды, которые охватили лагерь в послед-

ние дни. Теперь уже приближается тот момент начала мокрого сезона, когда любой пролившийся дождь ценится так высоко здешними земледельцами, что каждый индус, с обычным преувеличением азиатской причуды, полагает, что все капли превращаются в жемчужины, скрытые в устричных раковинах». ⁴⁷ О дождях, которые в тех краях по-прежнему выпадают весьма скудно, в результате чего пустыня Тхар никак не сокращается, Броутон рассуждает почти исключительно в связи с режимом рек: сколько в них воды и не столь ли она высока, что будет препятствовать форсированию при необходимости.

В жаркий сезон мысли Броутона снова о воде: «Лагерь очень плохо снабжается водой, которая добывается, да и то в небольшом количестве, только рытьем колодцев в песке. Это серьезная беда во все сезоны, но особенно сейчас, когда установились жаркие ветра и мы вынуждены использовать *тати*, своего рода экран из корней грубой травы под названием *кус*, которые удерживают выливаемую на них воду, и, когда через него проходит горячий ветер, она испаряется». ⁴⁸ Броутон, вполне мужественно переносивший климатические тяготы, конечно же, радуется завершению жары: «Ночи и утренние часы становятся прохладнее и приятнее, и уже началась работа в полях, хотя днем по-прежнему очень жарко. Вчера при восходе солнца термометр показывал 55°F [12°C], в полдень — 84°F [29°C], на закате — 78°F [26°C], ближе ко сну — 67°F [19°C]». ⁴⁹

Прагматика «путешествующего взгляда»

Два главных персонажа, благодаря которым появились на свет «Письма из махраттского лагеря...», практически ровесники — Томас Дуер Броутон (род. в 1778 г.) и Даулат-рав Синдия (род. в 1779 г.) — в период их совместного передвижения по чужим для каждого из них землям Раджпутаны представляли враждебные друг другу «магистральные» культуры. Маратхская конфедерация все еще оставалась последней автохтонной империей, чье превосходство признавалось в Индии всеми, вызывая постоянную «паранойю» англичан, ожидавших маратхского восстания при поддержке России или Франции. ⁵⁰

⁴⁷ Ibid. P. 190.

⁴⁸ Ibid. P. 76.

⁴⁹ Ibid. P. 198.

⁵⁰ См.: Peabody N. Hindu Kingship and Polity in Precolonial India. Cambridge, 2003. P. 126.

⁴⁴ Ibid. P. 67.

⁴⁵ Ibid. P. 38.

⁴⁶ Ibid. P. 24.

Несмотря на нелестные характеристики, даваемые Броутоном («Маратх обычно представлял как некультурный варвар, в основном потому, что почти всегда его портреты писались его врагами»⁵¹), Синдия «вполне успешно вышел из Второй англо-маратхской войны и ее последствий и обрел высокую степень стабильности наряду с некоторыми новыми территориями».⁵² «Эскортирование» Синдии вдохновило Броутона на описание богатой этнографии маратхов (что осталось за пределами статьи) и вызвало попутные ландшафтные зарисовки, среди которых встречаются и некоторые «проговорки», на чем и было сконцентрировано наше внимание. Эти пассажи, полностью лишённые романтического флёра, подтверждают практическую утилитарность «путешествующего взгляда» военного резидента, чья оптика «приспосабливала» чужую землю — ее равнины, горы, реки и растительность — под запросы собственного мира.

В целом «травелоги колониальной эпохи, особенно британские, давно признаны соучастниками колониального правления через дискурсы, [созданные описанием] “другости”».⁵³ Послания Броутона, однако, принадлежат к этапу колонизации, или «сырой кинетики раннего колониализма»,⁵⁴ когда британцы ликовали по поводу победы над маратхами во Второй англо-маратхской войне, не зная, что предстоит Третья (1817–1818), и даже не могли предположить Сипайского восстания (1857–1858), в котором маратхам (но не клану Синдии) была уготована ведущая роль. Тем ценнее созданное благодаря его «путешествующему взгляду» безыскусное описание «чужого» ландшафта. При этом автор «демонизирует» поведения «другого» и дает по-военному прагматичную оценку возможностей

утилизации пространства «путешествия» на «марше», в то же время одобряя «свой» вандализм, мало чем отличающийся от маратхского.

Помимо прочего, Броутон явно оказывается «агентом двойного назначения»: как участник «марша» он отправляет секретные депеши в адрес Ост-Индской компании, а как «путешественник» — составляет «развлекательные» сюжеты для «своего брата» *alias* читающей публики. И в этом смысле, т. е. функционально, он буквально подтверждает концепцию Михаила Немцева: «Для путешественника — в этом его парадокс — протяженность пространства имеет иное значение, чем для туриста или какого-нибудь “странника”: путешественник превращает самого себя в инструмент познания чужого. Он ... проникает в пространственную организацию чужой жизни... Проникновение всегда имеет материальное — телесное выражение, происходит в физическом мире. Для этого приходится приезжать, приплывать, приходить», что и сделал Броутон, активный участник колонизации Индостана. М. Немцев отмечает критически важную для путешественника *многопозиционность* при сохранении у него ясного самосознания — *метапозиционной рефлексии*, что «роднит путешественника со шпионом, спецагентом», в подготовке которых «важнейшая роль должна принадлежать развитию умения собирать информацию — умения видеть, слышать и т. д.»⁵⁵ Именно это прекрасно удается Броутону: он не только «шпионит» сам, в частности встречаясь в своем лагере с представителями других политий, но и держит «своего» человека (*newsman*) у Синдии, в то время как Синдия держит «своего» человека при Броутоне, о чем им обоим — в духе нравов того времени — достоверно известно.⁵⁶

Irina P. Glushkova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: iri_glu@hotmail.com

MARCH-CUM-TRAVEL: A PRAGMATIC APPROACH TO INDIAN LANDSCAPE AS REFLECTED IN CORRESPONDENCE OF A BRITISH OFFICER (1809)

British domination in South Asia kept on growing by practical implementation of diverse information gathering, including the knowledge of landscape obtained through high mobility of the colo-

⁵¹ Sen Surendra Nath. *The Military System of the Marathas*. Bombay; Calcutta; Madras; New Delhi, 1958. P. 77.

⁵² Farooqui A. *Sindias and the Raj*. Princely Gwalior c. 1800–1850. Delhi, 2011. P. 8.

⁵³ Brikson U. *Op. cit.* P. 11. Буквально «...by their “Othering” discourses». См. также: Pratt M. L. *Imperial Eyes*. Studies in Travel Writing and Transculturation. London, 1992.

⁵⁴ Arnold D. *Op. cit.* P. 16.

⁵⁵ Немцев М. *Путешественники // 60-я параллель*. 2008. № 1 (28). С. 8–11.

⁵⁶ Broughton Th. D. *Op. cit.* P. 23.

nizers who represented a 'long-range culture' from outside. Their attention was focused on their main rival force – the Maratha Confederacy and its military leaders who since the second half of the eighteenth century had embodied an internal 'long-range culture' and had virtually defined the political fate of entire Indostan. The position of Thomas Duer Broughton (1728–1835) as a 'military resident' at the court of Daulat Rao Sindia implied his participation for the purposes of control and supervision of the adversary's actions along with provision of intelligence to the East India Company – in the Maratha army's various 'marches'. During this mission Broughton, known for his propensity to literary writing managed to have narrated his 'travels' in 'letters to brother' thus satisfying Indomania prevalent in the metropolis of the early nineteenth century.

Broughton's letters, notwithstanding their primary focus on drawing an ethnographic portrait of an exotic ethnic group, routinely count the miles traveled and sum up the characteristics of plains, roads, mountains, rivers, vegetation, etc. of the surrounding areas. Through this, a pragmatic 'portrait' of the landscape is created, and some 'slips of tongue' of the author reveal a practical assessment of its utility for the needs of colonial administration and its army, which provide another evidence of the travelogues' role in the process of colonization.

Keywords: 'travelling gaze', 'politics of traveling', a traveler-cum-intelligence officer, travelogue, landscape, colonization, colonialism, 'long-range culture', Maratha Confederacy, Daulat Rao Sindia, the East India Company, Rajputana

REFERENCES

- Arnold D. *The Tropics and the Travelling Gaze. India, Landscape, and Science, 1800–1856*. Seattle; London: University of Washington Press Publ., 2006. 298 p. (in English).
- Brikson U. *Introduction. "Naked" Politics in Travel Writing*. Not So Innocent Abroad: The Politics of Travel and Travel Writing. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2009, pp. 1–17. (in English).
- Cohn B. S. *Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India*. Princeton: Princeton University Press Publ., 1996. 216 p. (in English).
- Cooper R. G. S. *The Anglo-Maratha Campaign and the Contest for India: The Struggle for Control of the South Asian Military Economy*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2003. 456 p. (in English).
- Farooqui A. *Sindias and the Raj. Princely Gwalior 1800–1850*. Delhi: Primus Books Publ., 2011. 156 p. (in English).
- Glushkova I. *Krugooborot novostey i otlozhennoe upravlenie. Pochtovaya politika pri dvore Ahilya-bai Holkar (prav. 1767–1795) v Maheshvare* [Portable news and adjourned statecraft: write-and-read policy at the court of Ahilyabai Holkar (r. 1767–1795) of Maheshvar]. Pod nebom Yuzhnoy Azii. Dvizhenie i prostanstvo: paradigma mobilnosti i poiski smyslov za predelami statchnosti [Under the Skies of the South Asia. Mobility and Space: in Quest of Meanings Beyond Stasis]. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura Publ., 2015, pp. 219–235. (in Russ.).
- Glushkova I. *Podvizhnost i podvizhnichestvo. Teoriya i praktika tirtha-yatri* [Mobility and Endeavour. Theory and Practice of Tirtha-Yatra]. Moscow: Natalis Publ., 2008. 512 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Yevrazii)* [Anthropology of movement (Antiquity of North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAS, Volot Publ., 2009. 496 p. (in Russ.).
- Grant Duff M. E. *Introduction. Broughton Thomas Duer. Letters from a Mahratta Camp during the Year 1809 Descriptive of the Character, Manners, Domestic Habits and Religious Ceremonies of the Mahrattas*. Calcutta: K. P. Bagchi & Company (1813, 1892) Publ., 1977, pp. 21–31. (in English).
- Nemtsev M. *Puteshestvenniki* [Travelers]. 60 parallel [60 parallel], 2008, no. 1 (28), pp. 8–11. (in Russ.).
- Peabody N. *Hindu Kingship and Polity in Precolonial India*. Cambridge: CUP Publ., 2003. 206 p. (in English).
- Pratt M. L. *Imperial Eyes. Studies in Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge Publ., 1992. 296 p. (in English).
- Sen S. N. *The Military System of the Marathas*. Bombay; Calcutta; Madras; New Delhi: Orient Longman Publ., 1958. 266 p. (in English).

Даулат-рав Шинде (Синдия). Музей искусств (Сан-Диего, США)

Тренировки борцов на фоне лагеря британского резидента.
Broughton Th. D. Letters written in a Mahratta Camp during the Year 1809. London, 1813